

Василий Макарович Шукшин. Чудик

Жена называла его – Чудик. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось.

Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

– А где блесна такая... на-подвид битюря?! – орал Чудик из кладовой.

– Я откуда знаю?

– Да вот же все тут лежали! – Чудик пытался строго смотреть круглыми иссиня-белыми глазами. – Все тут, а этой, видите ли, нету.

– На битюря похожая?

– Ну, щучья.

– Я ее, видно, зажарила по ошибке.

Чудик некоторое время молчал.

– Ну, и как?

– Что?

– Вкусная? Ха-ха-ха!.. – Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось. – Зубки-то целые? Она ж – дюралевая!..

...Долго собирались – до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

– На Урал! На Урал! – отвечал он на вопрос: куда это он собрался? Проветриться надо! – При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плевое отношение к дальним дорогам – они его не пугали. – На Урал!

Но до Урала было еще далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло ему взять билет и сесть на поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков племяшам – конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в

очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы – полная женщина с крашеными губами. Женщина негромко, быстро, горячо говорила шляпе:

– Представляете, насколько надо быть грубым, бестактным человеком! У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию. А этот – без году неделя руководит коллективом – и уже: "Может, вам, Александр Семеныч, лучше на пенсию?" Нахал!

Шляпа поддакивала.

– Да, да... Они такие теперь. Подумаешь, склероз. А Сумбатыч?... Тоже последнее время текст не держал. А эта, как ее?..

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторонку, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Что-то глянул на полу-то, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтоб его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

– Хорошо живете, граждане! – сказал он громко и весело. На него оглянулись.

– У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка – пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки – нет.

"Наверно, тот, в шляпе", – догадался Чудик.

Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

– Сейчас прибежит кто-нибудь, – сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: "У нас, например, такими бумажками, не швыряются!" Вдруг его точно жаром всего обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую ему дали в сберкассе дома. Двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман - нету. Туда-сюда - нету.

- Моя была бумажка-то! - громко сказал Чудик. - Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: "Граждане, моя бумажка-то Я их две получил в сберкассе - одну двадцатипятирублевую, другую полусотельную. Одну, двадцатипятирублевую, сейчас разменял, а другой - нету". Но только он представил, как он огорошит всех этим своим заявлением, как подумают многие "Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить". Нет, не пересилить себя - не протянуть руку за проклятой бумажкой. Могут еще и не отдать.

- Да почему же я такой есть-то? - вслух горько рассуждал Чудик. - Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Подошел к магазину, хотел хоть издали посмотреть на бумажку, постоял у входа... И не вошел. Совсем больно станет. Сердце может не выдержать.

Ехал в автобусе и негромко ругался - набирался духу предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки еще пятьдесят рублей

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъясняла жена (она даже пару раз стукнула его шумовкой по голове), ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески,

деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории.

Чудик тоже одну рассказал какому-то интеллигентному товарищу, когда стояли в тамбуре, курили.

- У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку - и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит. "Руки, кричит, руки-то не обожги, сынок!" О нем же и заботится... А он прет, пьяная харя. На мать.

Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

- Сами придумали?- строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

- Зачем?- не понял тот.- У нас за рекой, деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудик надо было еще лететь местным самолетом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолет не без робости.

"Неужели в нем за полтора часа ни один винтик не испортится!"- думал. Потом

- ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж послушать живого человека ему не хотелось. А Чудик хотел выяснить вот что он слышал, что в самолетах дают поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолете - ради любопытства.

"Зажилили",- решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определенно сказать: красиво это или нет? А кругом говорили, что "ах, какая красота!". Он только ощутил вдруг глупейшее желание - упасть в них, в облака, как в вату. Еще он подумал. "Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть ли не пять километров". Мысленно отмерил эти пять километров на

земле, поставил их "на попа" - чтоб удивиться, и не удивился.

- Вот человек!.. Придумал же,- сказал он соседу. Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

- Пристегнитесь ремнями!- сказала миловидная молодая женщина.- Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед - ноль внимания. Чудик осторожно тронул его.

- Велят ремень застегнуть.

- Ничего,- сказал сосед Отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то:- Дети - цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

- Как это?- не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить.

Быстро стали снижаться. Вот уже земля - рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет. Как потом объяснили знающие люди, летчик "промазал". Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовой стук и скрежет. Это читатель с газетой сорвался с места, боднул Чудика лысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали - это поразило Чудика. Он тоже молчал. Стали. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолет - на картофельном поле. Из пилотской кабины вышел мрачноватый летчик и пошел к выходу. Кто-то осторожно спросил его.

- Мы, кажется, в картошку сели?

- Что, сами не видите,- ответил летчик.

Страх схлынул, и наиболее веселые уже пробовали робко острить.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

- Эта?!- радостно воскликнул он, И подал.

У читателя даже лысина побагровела.

- Почему обязательно надо руками трогать?- закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

- А чем же?..

- Где я ее кипятить буду?! Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

- Поедемте со мной?- предложил он.- У меня тут брат живет. Вы опасаетесь, что я туда микробов занес? У меня их нету...

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

"Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша меня не забудь.
Васятка".

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

- Составьте иначе. Вы - взрослый человек, не в детсаде.

- Почему?- спросил Чудик.- Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверно, подумали...

- В письмах можете писать что угодно, а телеграмма - это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал.

"Приземлились. Все в порядке. Васятка".

Телеграфистка сама исправила два слова:

"Приземлились" и "Васятка"

Стало: "Долетели. Василий".

- "Приземлились". Вы что, космонавт, что ли?

- Ну, ладно,- сказал Чудик.- Пусть так будет.

...Знал Чудик, есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна еще быть сноха, как-то не думалось. Он никогда не видел ее. А именно она-то, сноха, все испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

Тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло:

- А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно?- И хлопнула дверью.

Брату Дмитрию стало неловко.

- Это... там ребяташки спят. Вообще-то она хорошая. Еще выпили. Стали вспоминать молодость, мать, отца.

- А помнишь?- радостно спрашивал брат Дмитрий.-

Хотя, кого ты там

помнишь! Грудной был. Меня оставят с тобой, а я тебя зацеловывал. Один раз

ты посинел даже. Попадало мне за это. Потом уже не стали оставлять. И все

равно, только отвернутся, я около тебя - опять целую. Черт знает, что за

привычка была. У самого-то еще сопли по колена, а уж... это... с

поцелуями...

- А помнишь?!- тоже вспомнил Чудик.- Как ты меня...

- Вы прекратите орать?- опять спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно.- Кому нужно слушать эти ваши разные сопли да поцелуи? Туда же - разговорились.

- Пойдем на улицу,- сказал Чудик. Вышли на улицу, сели на крылечке.

- А помнишь?- продолжал Чудик.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

- Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!

Чудик стал успокаивать брата.

- Брось, не расстраивайся. Не надо. Никакие они не злые, они - психи. У меня такая же.

- Ну чего вот невлюбила?! За што? Ведь она невлюбила тебя... А за што?

Тут только понял Чудик, что - да, невзлюбила его сноха. А за что действительно?

- А вот за то, што ты - никакой не ответственный, не руководитель. Знаю я ее, дуру. Помешалась на своих ответственных. А сама-то кто! Буфетчица в управлении, шишка на ровном месте. Насмотрится там и начинает.. Она и меня-то тоже ненавидит - что я не ответственный, из деревни.

- В каком управлении-то?

- В этом... горно... Не выговорить сейчас. А зачем выходить было? Што она, не знала, што ли?

Тут и Чудика задело за живое.

- А в чем дело, вообще-то?- громко спросил он, не брата, кого-то еще.-

Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотришь -выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так - выходец, рано пошел работать

- А сколько я ей доказывал в деревне-то люди лучше, незаносистые.

- А Степана-то Воробьева помнишь? Ты ж знал его.

- Знал, как же.

- Уже там куда деревня!.. А - пожалуйста: Герой Советского Союза.

Девять танков уничтожил. На таран шел. Матери его теперь пожизненно пенсию будут шестьдесят рублей платить. А разузнали только недавно, считали - без вести...

- А Максимов Илья!.. Мы ж вместе уходили. Пожалуйста - кавалер Славы трех степеней. Но про Степана ей не говори .. Не надо.

- Ладно. А этот-то!..

Долго еще шумели возбужденные братья. Чудик даже ходил около крыльца и размахивал руками.

- Деревня, видите ли!.. Да там один воздух чего стоит! Утром окно откроешь - как, скажи, обмоет тебя всего. Хоть пей его - до того свежий да запашистый, травами разными пахнет, цветами разными...

Потом они устали.

- Крышу-то перекрыл?- спросил старший брат негромко.

- Перекрыл.- Чудик тоже тихо вздохнул -Веранду построил - любо глядеть.

Выйдешь вечером на веранду.. начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом

были бы живые, ты бы с ребятишками приехал - сидели бы все на веранде, чай с

малиной попивали. Малины нынче уродилось пропасть. Ты,

Дмитрий, не ругайся с

ней, а то она хуже невзлюбит. А я как-нибудь поласковой

буду, она, глядишь,

отойдет.

- А ведь сама из деревни! - как-то тихо и грустно изумился Дмитрий.А

вот... Детей замучила, дура одного на пианинах замучила, другую в фигурное

катание записала. Сердце кровью обливается, а - не скажи, сразу ругань.

- Ммх!..- опять возбудился Чудик.- Никак не понимаю эти газеты вот,

мол, одна такая работает в магазине - грубая. Эх, вы!.. а она домой придет -

такая же. Вот где горе-то! И я не понимаю!- Чудик тоже стукнул кулаком по

колену.- Не понимаю: почему они стали злые?

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было; брат Дмитрий

ушел на работу, сноха тоже, дети, постарше, играли во дворе, маленького

отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное

сделать снохе. Тут на глаза ему попала детская коляска.

"Эге!- подумал

Чудик.- Разрисую-ка я ее". Он дома так разрисовал печь, что все дивились

Нашел ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час все было

кончено; коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил журавликов -

стайку уголком, по низу - цветочки разные, травку-муравку, пару петушков,

цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон - загляденье.

Не колясочка, а

игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

- А ты говоришь - деревня. Чудачка.- Он хотел мира со снохой. Ребеночек-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. "Я его тоже разрисую", - думал.

Часов в 6 Чудик пришел к брату. Взошел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

- Да ну, что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

- Чтоб завтра же этого дурака не было здесь!- кричала Софья Ивановна.-
Завтра же пусть уезжает!

- Да ладно тебе!.. Сонь...

- Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается - выкину его чемодан к чертовой матери, и все!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось куда-нибудь уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

- Да почему же я такой есть-то?- горько шептал он, сидя в сарайчике. Надо бы догадаться: не поймет ведь она, не поймет народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце все болело. Потом пришел брат Дмитрий. Не удивился - как будто знал, что брат Василий давно уж сидит в сарайчике.

- Вот...- сказал он.- Это... опять расшумелась. Коляску-то... не надо бы уж.

- Я думал, ей поглянется. Поеду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик.
Чудик вышел из
автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле
- в одной руке
чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и пел громко:

Тополя-а а, тополя а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и
близко где-то было
солнышко. И дождик редел, шлепал крупными каплями в лужи; в
них вздувались и
лопались пузыри.

В одном месте Чудик поскользнулся, чуть не упал. Звали
его - Василий
Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от
роду. Он работал
киномехаником в селе. Обожал сыщиков и собак. В детстве
мечтал быть шпионом.

Источник: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/shukshin_chudik.txt